

А.Н. Окара

Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

Инновационная модернизация на основе солидарности государства и креативного класса как оптимальная стратегия развития современной России

В начале XXI в. мир становится сложнее и неопределеннее, прежние схемы и модели развития человечества, сложившиеся в эпоху Модерна, перестают работать, новые создаются в режиме «реального времени». «Турбулентное» состояние бытия вызывает ощущение то новых невероятных возможностей, то исторического тупика и всеобщей бессмысленности.

Некогда жесткие железобетонные защитные стены, созданные индустриальным обществом, не выдерживают девятого вала актуальных вызовов, а новая информационно-когнитивная цивилизация еще не выстроила свою современную и гибкую систему защиты.

В складывающейся на наших глазах реальности основным источником конкурентоспособности, лидерства и превосходства становится человеческий интеллект — способность рождать новые смыслы, инновации и инновационные системы, способность моделировать и строить будущее, способность приспосабливаться к условиям динамической среды.

Поэтому проблема современного, сложного, адекватного вызовам времени устройства России-как-общества и России-как-государства является одной из ключевых для выживания и дальнейшего российского развития.

Попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с поиском оптимального формата существования России: о критериях модернизации, о соучастии в ней амбициозных классов, о новом общественном договоре — между государством и обществом, об исторических закономерностях трансформации политической системы, а также о возможном российском вкладе в созидание будущего.

Новые слова — старые смыслы?

Наличие свободной общественно-политической рефлексии — один из основных индикаторов жизни общества и его развития. Идеологические поиски и социально-философские дискуссии в нынешней России постепенно заходят в тупик — вместо новых идей и модернизационных стратегий изобретаются новые слова (в том числе, о новых идеях и стратегиях), словосочетания-оксюмороны («суверенная демократия», «консервативная модернизация») и пиар-тезисы, нацеленные не на стимулирование развития страны и народа, а на консервацию политического режима и системы экономических отношений, либо на их расшатывание и уничтожение — в среде радикальной оппозиции.

Проблема, похоже, в том, что мобилизационная идеология и новая национальная идея, появления которых ждут от «штатных» идеостроителей, изначально рассматриваются политическим классом как пропаганда и пиар-проект — как средство повышения легитимности властной корпорации и углубления лояльности населения (либо с противоположными, антирежимными, целями — в радикально-оппозиционной среде).

Однако идеостроительство может считаться успешным лишь в том случае, если идеи, идеологии и стратегии национального развития становятся *средством мобилизации, консолидации и стимулирования социально активных слоев*, если они ведут к *солидаризации политической элиты с*

массами — вокруг стоящих перед страной *модернизационных сверхзадач*. Идеостроительство имеет онтологическую и практическую ценность, если оно оказывается местом рождения будущего, а не консервации прошлого, если оно является живой творческой проблемой, а не выхолощенной пропагандистской рутинной и не средством заработка штатных идеолог-мейкеров.

Ведь одна из реальных гуманитарных угроз в России — это возможная деконструкция и смысловая девальвация модернизационно-инновационной риторики (включая разговоры о «нанотехнологиях», «человеческом капитале», «экономике знаний», «креативной экономике», «консервативной модернизации», «социальном консерватизме», «прорывном развитии», «Русском мире» и т. д.). Модернизационная риторика рискует утратить свою осмысленность и энергетику и стать новым «ритуальным языком» административно-бюрократической элиты — своеобразным тестом на лояльность перед «начальством». Контрмодернизационно настроенная бюрократия, присваивающая углеводородную, оружейную и прочую экспортную ренту, в российских условиях способна нивелировать любую модернизационную проблематику: аналогичным образом при раннем Горбачеве были «заболтаны» темы перестройки, ускорения и гласности, во времена раннего Ельцина — темы свободы и демократии.

Модернизационная риторика должна быть концентрированным содержанием соответствующих стратегий развития страны и составной частью реальных социально-экономических процессов, имеющих своих субъектов и проектную логику. В ином случае она будет существовать лишь как пропагандистская программа, как утопия, прожектерство, околону научная «культ модернизация» либо благопожелания со стороны отдельных представителей властной корпорации, что может привести к деконструкции модернизационного дискурса, обесмысливанию модернизационной проблематики, разочарованию, усилению общественной

апатии и ожиданию прихода «сильной руки». Активная часть российского общества воспримет «забалтывание» и нивелирование идеи модернизации особенно болезненно, даже фатально — как «последний упущенный шанс» России, который в ближайшие десятилетия едва ли представится еще раз.

Возможно ли в России появление нового миростроительного проекта?

Мировой структурный и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. обнажил главную проблему наших дней: *смысловую исчерпанность «современного мира»* — истощенность нынешней концепции развития человечества, недостаточность существующих инновационных систем, недостаточность Модерна как универсального миростроительного проекта, сформированного в лоне западноевропейской цивилизации в XV–XX вв., и откровенную ущербность разнообразных постмодернистских проектов. Речь о кризисе базовых ценностей Нового времени — системы национальных государств, международного публичного права, принципов международных отношений и гуманизма (человекоцентризма), рассматривавшего индивида прежде всего как потенциального творца, а не пассивного потребителя. В различных постмодернистских философских концепциях обосновывается социальная демодернизация и деконструкция незыблемых для современного человека моральных и жизнестроительных ценностей.

В этой ситуации как бы объявляется международный конкурс, во-первых, на *инновационную систему нового типа* (речь о механизмах управления инноватикой и инновационной деятельностью), во-вторых, на *новый «сверхмодерный» миростроительный проект* (систему универсальных представлений о возможном и должном мироустройстве, о направлениях и пределах развития человечества), а также, в-третьих, — на модельную стратегию *инновационной модернизации*.

Под *инновационной модернизацией* мы понимаем продуктивное скачкообразное технологическое, хозяйственное, социально-политическое и гуманитарное обновление современного общества и современного человека на основе модели опережающего, а не догоняющего развития, на основе про-активной и инициативной стратегии, а не реактивной тактики, обновление, происходящее без применения авторитарных методов и жесткой мобилизации широких социальных слоев. Не каждая модернизация инновационна по своей сути: большинство индустриальных модернизаций в XIX — XX вв. носили догоняющий характер и были направлены на достижение уровня технологического и экономического развития стран-лидеров. Но каждая модернизация имеет четкое ограничение во времени, четкую проектную логику и четко определенного субъекта и выгодоприобретателя.

Главные задачи модернизации лежат вовсе не в технологической сфере и заключаются отнюдь не в компьютеризации школ, не в строительстве «биоагроэкополисов» (термин Максима Калашникова¹) и даже не в ускоренном развитии нанотехнологий. Главные задачи модернизации — это *создание современного общества, современных социальных институтов, современных инфраструктур и современного человека. Главная результирующая цель модернизации — обеспечение мировой конкурентоспособности государства и нации.*

При этом необходимо осознавать, что развитие и модернизация — это управляемые процессы, у которых есть не только «моторы», но и «тормоза», причем как в национальном, так и в международном масштабах. Страны «Золотого миллиарда», как правило, заинтересованы лишь в частичной, фрагментарной успешности модернизаций в западном мире. Они заинтересованы в развитии прежде всего тех сегментов экономики западных стран, от которых тем или

¹ См.: *Зубов М., Новиков К.* План Калашникова вместо плана Путина. Медведев облакал сторонника зомбирования // Московский комсомолец. 2009. 17 сентября. См.: www.mk.ru/politics/publications/352684.

иным образом зависят их собственные интересы — например, в развитии китайской массовой индустрии, в эффективности индийской математической школы, в надежности российской газодобычи и украинской газотранспортной системы. Во-первых, им не нужны мощные и развитые конкуренты, во-вторых, современная капиталистическая мир-система функционирует в значительной степени за счет эксплуатации странами ядра периферийных стран. Вне всякого сомнения, Западу нужны российские природные и человеческие ресурсы. Но нужна ли ему Россия как партнер, как сильная, модернизированная и конкурентоспособная держава с высоким уровнем развития науки, как конкурент на рынках финансового и человеческого капиталов — вопрос риторический.

Внутри России к главным контрмодернизационным силам следует причислить всех тех, кто является выгодоприобретателем от современного состояния государства и экономики — от демодернизации, деградации и гипертрофированной зависимости государства от экспорта энергоресурсов — речь прежде всего о коррумпированной административно-бюрократической элите и сырьевой олигархии.

В контексте современных глобальных вызовов и складывающейся геополитической и геоэкономической структуры мира новые идеологические проекты и поиски национальной идеи в России окажутся успешными лишь в том случае, если будут основываться на *идеях общественного доверия, солидарности и развития*. Периодически возникающие в российском общественно-политическом сознании образы «России в кольце врагов», «России как осажденной крепости» и соответствующее им манихейско-изоляционистское самоощущение представляются непродуктивными и неконкурентоспособными. Нередко они служат концептуальной основой для охранительной идеологии и политики, проводимой контрмодернизационными элитами. Солидарность же предполагает преодоление катастрофического для России

разрыва между государством и обществом, между элитами и внеэлитными слоями, выстраивание многочисленных горизонтальных связей внутри самого общества, развитие социальной самоорганизации, а также открытие лифтов вертикальной мобильности для талантливых, энергичных, амбициозных людей. Однако ключевой для российского развития на нынешнем этапе уровень солидарности — это солидарность внутри амбициозных классов, кровно заинтересованных в обновлении, — именно эти люди, сообщества и классы могут стать главными выгодоприобретателями от модернизации. С другой стороны, в современном мире именно они способны обеспечить России высокий уровень конкурентоспособности.

Русская культура ощутимо обогатила мировую: творчество Толстого, Достоевского, Чехова, Набокова, Чайковского, Рахманинова, Стравинского, Шостаковича, Андрея Тарковского, русских футуристов стало достоянием всякого образованного человека в мире. Но существуют ли в российской жизни и социогуманитарной мысли проекты, явления и универсальные ценности, способные быть востребованными всем человечеством или хотя бы его значительной частью? Способна ли Россия сформулировать или поставить проблему мирового уровня?

А ведь при смене глобальных парадигм мирового развития возникает «точка новой сборки», ситуация бифуркации, в которой даже аутсайдеры, наделенные проектной субъектностью и гиперкреативностью, могут оказаться успешными инноваторами, отказавшись играть по чужим правилам и навязывая системе свои правила. Фигурально выражаясь, последние могут стать первыми (Лк. 13, 30).

И Российская империя, и СССР были великими и привлекательными для других народов державами именно в те периоды, когда ставили перед собой масштабные сверхзадачи и сверхцели, когда выдвигали универсальные миростроительные проекты: тот же коммунизм 1920-х гг. можно

рассматривать как проект альтернативной нелиберальной модернизации. Сталинский коммунизм уже не выдвигал универсальных проектов, однако именно в 1930–1940-х была осуществлена мобилизационная догоняющая авторитарная модернизация «сверху», превратившая традиционное общество в индустриальное, а крестьянскую страну — в городскую. В российской истории разрушение ценностно-идеологического ядра каждый раз вело к измельчанию мотиваций общественного и индивидуального существования: государству это грозило гибелью, а людям — потерей смысла жизни и маргинализацией.

Успешная инновационная модернизация прорывного (недогоняющего) типа на основе широкой солидарности и баланса сил — между властью, амбициозными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на этические нормы и «миростроительные» ценности восточнохристианской цивилизации, может стать вкладом России в теорию и практику современного развития, а также может оказаться важнейшей предпосылкой для *«российского чуда»* — трамплином в сообщество стран-лидеров. Ведь на исторических изломах лидерство может перехватить тот, кто станет проектантом и «дизайнером» общемирового будущего, кто первым заявит новые смыслы и ценности начинающейся эпохи. А, как известно, лидерство в социогуманитарной сфере — это куда более сложная задача, чем даже промышленное внедрение самых тонких нанотехнологий.

Вопрос лишь в том, как эффективно нейтрализовать контрмодернизационные силы и разрушить деструктивную систему социально-экономических отношений (в российском случае — как ограничить доминирование сырьевой экономики и сырьевых олигархов), как провести модернизацию неавторитарными методами с минимальными издержками для населения и как сделать выгодоприобретателями от модернизации не только активное меньшинство, но и не всегда активное большинство. Именно этот комплекс проблем —

самое слабое место во всех модернизационных теориях и стратегиях. Однако, как представляется, политическая философия и экономическая теория солидаризма, благодаря выработанным механизмам рационализации и оптимизации внутренних конфликтов, благодаря ориентации на синтез эгоистических и альтруистических мотиваций представителей элиты, способна дать ответы на эти и им подобные вызовы.

Заколдованный круг российской мысли: между деспотизмом и хаосом

Одна из главных проблем неуспеха идеостроительства в современной России — блуждание идеостроителей между двух смысловых полюсов — охранительно-консервативной Сциллой и либерально-анархистской Харибдой.

Первые — «гиперэтатисты», консерваторы-охранители — готовы абсолютизировать и чуть ли не молиться на «сильное» — деспотическое и зачастую полицейское — государство. Государство с закрученными «гайками», «подмороженным» режимом и авторитарными претензиями. Государство, в котором ограничена свобода слова, сведен к минимуму публичный политический процесс, дискредитированы выборы и ликвидирована конкуренция политических партий — вместе с самими партиями.

Вторые — оппозиционные по отношению к власти либералы-фундаменталисты и неолибералы по ценностям и нередко анархисты по духу — «сильное» государство проклинают и мечтают о его ослаблении — вплоть до падения политического режима и дробления страны на несколько десятков «демократических» республик во главе со свободно избранными губернаторами.

В России антигосударственничество либералов столь же глубоко, последовательно и имеет длительную идеологическую традицию, как и сверхгосударственничество охра-

нителей. В контексте российской политической культуры антиэтатизм и гиперэтатизм — это симметричные явления, но с противоположными знаками. Для одних ценностями являются «свобода», «либерализм», «права человека», слабое («демократическое») государство, неспособное противостоять ни внешним, ни внутренним вызовам; для других — «стабильность», «порядок», «сильная рука» и «консервация» политического режима.

Но из российской политической истории хорошо известно, к каким последствиям приводят обе эти стратегии.

Консервативно-охранительная — к стагнации, к замедлению и остановке общественного развития, к доминированию экстенсивных подходов в социальном управлении, к отсутствию субъектности и гражданской культуры у общества, к «потерянным поколениям», которые не смогли реализовать свой «большой проект» здесь и сейчас, к энтропии социального потенциала — исключению из актуальных социально-политических и экономических процессов *креативного класса* — всех тех, благодаря кому Россия могла бы стать мировым лидером по многим показателям. В конечном итоге, охранительные стратегии власти и отказ от развития ведут к рассеиванию социальной энергии, демодернизации и сгниванию государства изнутри.

Как известно, на подрыв и развал Российской империи, а потом и Советского Союза, работали разнообразные иностранные разведки и аналитические центры. Но главные причины краха этих сверхдержав кроются прежде всего в *отказе от развития*, в попытке «законсервировать» мнимый «порядок», в исключении креативных, энергичных, амбициозных людей из активной, социально значимой деятельности. Политические режимы Николая I, Александра III, а при советской власти — Брежнева и Андропова, пытались «подморозить» «излишние» свободы, но вместо ожидаемого «порядка» через некоторое время они сами попадали в кризис: государство разрушалось, наступала «смута» (револю-

ционная — после 1917 г. и постсоветская — в начале 1990-х). Похожую патологию можем наблюдать и в современной путинско-медведевской России. Всякий раз подтверждается аксиома, что *в российских условиях «закручивание гаек» ведет к срыву «резьбы».*

Другая экстремальная идеологическая стратегия — целенаправленная деструкция государства, прикрываемая либеральной риторикой, концепцией прав человека, разговорами о необходимости ограничения бюрократического произвола и о превращении государства в «ночного сторожа», «третейского судью», «независимого стороннего наблюдателя» и т. д. В реальных российских условиях (растянутость территории, неравномерная развитость инфраструктуры, малая заселенность огромных географических пространств, отсутствие гражданской политической культуры) такой подход равносителен убийству (самоубийству) государственного организма, что хорошо памятно по ельцинским временам.

Российское идеологическое и информационное пространство выстроено в соответствии именно с этими двумя взглядами на государство — оно заполнено либо охранительной риторикой («управляемая демократия», «суверенная демократия», «антиоранжевый фронт», «газ — новое русское оружие», «Россия встает с колен», «социальный консерватизм», «консервативная модернизация» и т. д.), либо либеральной («Другая Россия», «Россия-2», «марш несогласных» и т. д.). Мировоззрение Кремля и российской власти в целом периода президентства Владимира Путина опиралось на специфическую смесь двух идеологем — этатизма (пафоса возрождения великой державы) и западничества. Логично, что именно на их пересечении возникли концепты «либеральной империи» и «России как энергетической сверхдержавы». При этом западничество власти носило достаточно эклектичный характер — оно сочетало в себе торжество либеральных ценностей в экономической сфере (государство постепенно облегчало свое социальное бремя), веру в духовное и технологическое

первородство Западной Европы и США, признание России частью Запада и надежду на интеграцию отдельных российских элитных групп в мировую элиту.

Именно в силовом поле между этими двумя полюсами — консервативно-охранительным и либерально-анархистским — возникает «заколдованный круг» российского развития, в котором как часы работает механизм смены политических циклов *«стагнация — реформы — контрреформы — новая стагнация»*. Никакие «предохранители», никакие ситуативные полумеры не спасают систему от периодических глубоких кризисов и крахов. Именно в такой цикличности скрывается ответ на вопрос: почему в России все модернизации остаются незавершенными?

И пока никто из этих двух лагерей идеостроителей до сих пор не выдвинул концепцию, ориентированную на преодоление кризисных циклов российского развития и дисбаланса между государством и обществом. Охранители обвиняют либералов в западничестве, отсутствии патриотизма и подрыве государства. Либералы обвиняют охранителей в тоталитарном мышлении, желании всех «построить» и самоизолировать от Запада и прогресса в автаркийной «империи зла».

Принципиальный вопрос заключается в следующем: возможна ли вообще в российском смысловом пространстве некая неохранительная и нелиберальная идеологическая альтернатива, способная вывести российское развитие из порочного круга циклической деструкции и воссоздать в стране широкие горизонтальные социальные связи?

Социальная солидарность как третья идеологическая альтернатива

Идеологическая *«третья альтернатива»*, преодолевающая и отвергающая как консервативно-охранительные, так и либерально-анархистские установки, в истории российской общественно-политической мысли есть: она основана на ши-

рокой социальной *солидарности* — на неконфронтационном типе отношений между властной элитой, активной частью общества (потенциальной контрэлитой) и народом (относительно пассивными внеэлитными слоями). При этом, в зависимости от различных обстоятельств, речь может идти и о широкой общегражданской солидарности, и о балансе либо компромиссе групповых (корпоративных) интересов.

Солидарность и солидаризм — это вовсе не идеологическое «среднее арифметическое» и не «золотая середина» между охранительным и либеральным трендами, а принципиально отличная идеологическая стратегия, изначально ориентированная на создание оптимальных условий для развития страны и общества, на преодоление разрушительной для России волновой динамики развития «стагнация — реформы — контрреформы — новая стагнация».

В отечественной социальной философии и общественно-политической мысли нелиберальной направленности идея солидарности имеет глубокие корни — начиная с представления о «сродном труде» у Григория Сковороды, далее развивается в концепции соборности Алексея Хомякова, в метафизике всеединства Владимира Соловьева, в представлениях о взаимопомощи как факторе развития человечества Петра Кропоткина, в учении о кооперации Михаила Туган-Барановского, в культуре русского религиозно-философского ренессанса и Серебряного века, в философии «космизма» и учении Владимира Вернадского о ноосфере².

Согласно Дюркгейму, солидарность бывает механической, основанной на подобности и однородности элементов (именно так, к примеру, устроена религия), и органической, основанной на взаимодополнении разнородных и разнокачественных элементов (например, на разделении

² Подробнее о солидаризме в истории русской общественно-политической мысли см.: Сендеров В.А. Солидаризм — третий путь Европы? // Новый Мир. 2003. № 2.

труда)³. Солидаризм строится на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, он отвергает не только либеральный индивидуалистический эгоизм, но и тоталитаристский коллективистский альтруизм. Его нередко ошибочно путают с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX в. Квази-солидарность в 1920–1930 гг. в коммунистическом Советском Союзе, а также национал-социалистической Германии, фашистской Италии и некоторых других европейских странах с похожими режимами, строилась на тотальном подчинении, принуждении, часто — унижении человека.

Солидарность в современном развитом обществе может основываться исключительно на реальной социально-политической субъектности и свободной лояльности гражданина. При этом власть должна признать за ним эту субъектность и не нарушать ее — иначе, в конечном итоге, все может окончиться развалом политической системы и бунтом, который в России, по Пушкину, всегда «бессмысленный и беспощадный». Русский философ Иван Ильин определяет свободную лояльность как основополагающее качество социальной идентичности и социальной функции индивида: «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самостоятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»⁴.

³ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

⁴ Ильин И.А. О свободной лояльности // И.А. Ильин. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 229.

Особенностью российской политической системы и политической культуры может считаться их специфическая конструкция, в которой, начиная со времен Ивана Грозного, властная корпорация претендует на роль монопольного субъекта социального управления и, в случае осуществления модернизации, — на роль единственного проводника инноваций. Все иные сколько-нибудь значимые социальные субъекты (дворянство, казачество, старообрядцы, интеллигенция, крестьянство во время коллективизации, политическая оппозиция, независимая пресса, олигархи ельцинской эпохи, средний бизнес в современной России и иные активные социальные группы) последовательно «перемалываются», превращаются в «лишних людей», выбрасываются за борт актуальной политической реальности — т. е. целенаправленно лишаются своей субъектности и самодостаточности⁵.

В условиях российской политической системы сильное патерналистское государство целенаправленно обрубает горизонтальные связи внутри общества, замыкая все процессы на себя. Из-за моносубъектности власти и несубъектности общества все российские реформы и модернизации проводились и проводятся исключительно «сверху» и без опоры на поддержку амбициозных элит и народа — на протяжении всей обозримой истории государство стремится быть единственным инноватором и монополистом модернизации. В условиях индустриальных модернизаций в XIX — XX вв.х государство выступало главным агентом технологических, экономических и социально-политических преобразований во всех странах. Но лишь в России и СССР его роль была абсолютной.

В российском прошлом и настоящем сложно отыскать примеры солидарности власти и народа, государства и об-

⁵ *Фурсов А.И.* Русская власть, история Евразии и мировая система: *mobilis in mobile* (социальная философия русской власти) // *Феномен русской власти: преемственность и изменения.* М., 2008. Вып. № 3 (12). С. 10–57.

щества (в качестве одного из немногих исключений можно назвать столыпинские реформы); вместо этого наблюдается самоустранение, выпадение, социальное (а то и географическое — на незаселенные восточные территории) «бегство» внеэлитных слоев, а нередко и альтернативных политическому режиму элитных групп и группировок. При такой архитектуре политической системы отношения между властью и обществом строятся не по моделям взаимопомощи, взаимоусиления или конкуренции, а по моделям конфронтации, взаимного ослабления, а то и войны — холодной либо даже гражданской. Охранительная идеология предполагает подавление государственным аппаратом самодостаточности и способности к самоорганизации общества в целом, а также отдельных общественных групп и организаций, бизнеса, церкви и любых иных неподконтрольных ему субъектов. Либеральная идеология в специфических российских условиях говорит о необходимости принудительного ослабления государства и умаления его роли в развитии страны. Результатом реализации любого из этих сценариев становятся регресс, застой (либо хаос) и деградация.

Государство целенаправленно лишает общество инстинктов и способности к самоорганизации, поэтому в те редкие периоды, когда оно готово ослабить свой пресс и дать обществу немного свободы, вместо развития субъектности и самосознания, растут социальная нестабильность и деструктивные тенденции, которые через некоторое время превращаются в угрозу существованию — уже не только для властной корпорации, но и для самого государства, что памятно по временам правления Николая II, Горбачева и Ельцина.

На развитие солидарности и взаимовыгодных гражданских отношений между государством и внеэлитными слоями была направлена крестьянская реформа Петра Столыпина. Однако она покушалась не только на основы российской политической системы, но и на интересы элитных слоев. В ре-

зультате, сам Столыпин стал жертвой внутриэлитного заговора. В условиях ленинского НЭПа крестьяне превращались в самодостаточное и быстро развивающееся сословие, однако последовавшая вслед за тем сталинская политика «великого перелома» и Голодомора превратила их в бесправных крепостных.

При наличии социальной солидарности внутри общества государство должно основываться на *свободной лояльности* граждан. В российском случае народная лояльность всегда была вынужденной — она не предполагала за гражданами никакой субъектности и самодостаточности, «идеальное» население, с точки зрения такого государства, это безмолвные холопы. Поэтому солидарность власти и народа в условиях российской политической системы подменялась и подменяется различными формами принудительной народной лояльности и идеологического консенсуса: «народность» из знаменитой триады графа Уварова, «Россия сосредотачивается» князя Горчакова, «Россию надо подморозить» Константина Победоносцева, «Народ и партия едины» советских идеологов 1950–1970 гг., «суверенная демократия» Владислава Суркова, «консервативная модернизация» «Единой России» и др.

С этой точки зрения статья президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» от 10 сентября 2009 г.⁶, а также некоторые его программные выступления того же периода содержат в себе принципиальную новацию: фактически речь идет вовсе не о либеральном реванше, как это интерпретировали некоторые наблюдатели, а о возможности и необходимости *солидаризации интересов верховной власти, активной части общества и народа*. Это можно рассматривать как покушение на основополагающий принцип российской политической системы — *моносубъектность властной корпорации и несубъектность общества*.

⁶ Медведев Д.А. Россия, вперед! См.: www.kremlin.ru/transcripts/5413.

Необходимым следствием такого посыла должны стать новые принципы легитимности верховной власти в России, основанные не на кремлевской корпоративной солидарности и не на внутриэлитных «дворцовых договоренностях», но на общественном договоре, свободной лояльности граждан и реальной солидарности власти и народа. В соответствии с такой логикой, отношения власти и народа должны трансформироваться из вертикальных, состоящих из господства и подчинения, — в горизонтальные, строящиеся на взаимном доверии и сотрудничестве. Статью президента Медведева «Вперед, Россия!» и его некоторые программные выступления можно рассматривать как веху в развитии самосознания российской власти, как эффектное начало нового тренда — пока, правда, лишь в сфере политической риторики, а не реальной политики.

Креативный класс как субъект инновационной модернизации

Любые масштабные социальные преобразования требуют артикулированных *целей развития, рассчитанного во времени проекта реформ* и их субъекта — мотивированной амбициозной социальной группы, класса, этноса или иного сообщества. При этом субъект реформ должен обладать соответствующими мировоззрением, волей, экономической и политической заинтересованностью, а также опираться на достаточные ресурсы и возможности. Без любого из этих компонентов преобразования невозможны в принципе.

Есть различные мнения о том, кто должен стать основным субъектом инновационной модернизации в современной России — средний класс в целом, его какой-либо сегмент, олигархи, крупный и средний бизнес, массовый слой мелких предпринимателей, инновационное сообщество, мощные сетевые движения, «силовики», представители военно-промышленного комплекса, политический истеблишмент,

политическая оппозиция, государство в лице лучших представителей административно-бюрократической элиты, государственные корпорации или кто-то еще.

Нам представляется, что при переходе к тренду «общества знаний», «экономики знаний», «информационной цивилизации», «инновационной модернизации» таким социальным субъектом может стать *креативный (креативно-модернизационный) класс* (в широком понимании термина) — как основной генератор инноваций, как субъект воспроизводства человеческого и символического капиталов, как держатель или распорядитель культурного и информационного ресурсов, как социальная группа, от которой зависит глобальная конкурентоспособность государства. Американский социолог Ричард Флорида причисляет к этому классу творческих профессионалов, занятых в креативном сегменте экономики, — работников, чья экономическая функция заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды, — новых идей, новых технологий и нового креативного содержания⁷. То есть стратификация производится по профессиональному критерию. Однако в российских условиях предпочтительнее использовать антропо-социальный критерий — это когда основной классифицирующий признак связан не с объективными, а с субъективными, психологическими показателями.

В современной России круг людей, составляющих креативный класс, следует рассматривать шире, чем это делает Флорида. К нему можно причислить всех тех, *кто в пределах своей профессиональной или социальной деятельности является инноватором, генератором развития, создателем «точек роста»*. В социальном плане это, прежде всего, представители отраслевой и фундаментальной науки, разработчики и реализаторы высоких технологий, инженеры ВПК, представители некоторых сегментов бизнеса (чаще среднего,

⁷ См.: Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. NY., 2002.

созданного с нуля, а также венчурного), активная часть городской интеллигенции, работающая в сфере формирования духовной и информационной реальности. Сюда же следует отнести и представителей «рутинных» профессий, склонных к инновациям и усовершенствованиям в пределах своей профессиональной деятельности. Среди них особое место принадлежит бюрократам-инноваторам. Креативный класс в значительной степени состоит именно из «интеллигентов» и «интеллектуалов», но он не тождественен ни интеллигентскому сообществу в его российском понимании, ни сообществу интеллектуалов в западном понимании.

Интересен вопрос о соотношении креативного и среднего классов. На данный момент в социогуманитарной науке отсутствует общепринятое представление о том, из кого состоит средний класс и по каким критериям определяется принадлежность к этому сообществу. Тем не менее, в современной России в качестве усредненной стратификационной концепции может быть принята классификация по четырем признакам: во-первых, социально-профессиональный статус; во-вторых, наличие человеческого капитала (прежде всего образовательный уровень); в-третьих, экономический статус; в-четвертых, самооценка — ощущение своей принадлежности к среднему классу⁸. То есть при описании среднего класса превалируют критерии, связанные с потреблением, — качество жизни и покупательная способность его представителей. Иначе говоря, средний класс — это внеэлитный класс потребителей, тогда как креативный класс описывается как прослойка творцов, создателей нового, некоторые представители которой могут принадлежать к элите. Разумеется, в основе стратификации среднего и креативного классов лежат различные модели, поэтому один и тот же человек или социальная группа могут рассматриваться и в контексте среднего, и в контексте креативного классов.

⁸ Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М., 2009. С. 88–93.

Креативный класс — это достаточно слабо дифференцированное сообщество, его сложно определить по каким-либо жестким формальным критериям, его также невозможно создать «сверху» — административным путем. Принадлежность к этому классу не обуславливается ни социальным статусом, ни уровнем доходов и потребления, ни даже образованием. Однако его можно описать как социо-психотип. Чаще всего это пассионарные люди — с внутренним «стержнем», развитым волевым началом, активной жизненной позицией, с инновационным мировоззрением, чувством собственного достоинства. Но пассионарность не является определяющим признаком (скажем, рыночные торговцы — люди в своей массе тоже весьма предприимчивые и энергичные). Представители креативного класса напоминают «предпринимателей» в экономической теории Йозефа Шумпетера, которые обладают «предпринимательской способностью»: они ориентированы не на *линейный экономический рост*, а на *инновации и экономическое развитие*⁹.

Нередко представителей креативного класса определяют как «модернизационный класс», «инновационный класс», «поколение модернизации» и т. п. Но определение «креативный класс», по нашему мнению, наиболее точно указывает на интегрирующие признаки его представителей — креативно-творческую деятельность и креативно-творческое отношение к жизни.

Представители *homo creativus* — это люди с творческой идентичностью, с определенным уровнем непрагматических жизненных мотиваций, нередко и со специфической креативной моделью поведения. Им присуща потребность в самоактуализации — в реализации своих способностей и возможностей, в развитии собственной личности. В пирамиде человеческих потребностей Маслоу эта идентичность занимает самый высокий — седьмой уровень. Носителям

⁹ *Scumpeter J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process.* N.Y.–L., 1939. P. 77.

подобного психотипа присуща способность к нестандартному мышлению, риску, принятию эффективных решений в условиях неопределенности, к творческим озарениям, к трансгрессии и трансценденции, к выходу за пределы имманентной личностной данности. В иных социальных стратах, включая бюрократический класс, доминирует, как правило, вполне рациональная поведенческая мотивация.

По объему контролируемых ресурсов и уровню влияния на принятие политических и экономических решений креативный класс, на первый взгляд, слабее жестко интегрированной и мобилизованной корпорации «силовиков» или олигархов, не говоря уже об административно-бюрократической элите, чья монолитность скреплена самой влиятельной в нынешней России политической партией. Более того, многие представители креативного класса являются нанятыми работниками, зависимыми либо от бизнеса, либо от государства. Однако, во-первых, это достаточно массовый класс — его ядро и полупериферию можно оценить в 10–20% от всего населения; во-вторых, его представители — люди пассионарные, энергичные, часто даже самоотверженные, способные создавать локальные «очаги развития», при этом они не нуждаются в жесткой иерархии и управленческой «вертикали». В-третьих, именно представители этого класса являются держателями и воспроизводителями человеческого капитала, который в нынешнюю эпоху становится основой развития и благосостояния любого общества.

Креативный класс стремится к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию. При достижении критической массы и в случае институализации его интересов — например, путем создания новой эффективной политической силы (партии либо общественно-политического движения) — он способен стать реальным субъектом развития России.

Однако его продуктивное существование возможно только при наличии свободного социального пространства. В ситуации, где нет свободы — свободы политической, свободы

творческой, свободы духовной, свободы самовыражения, где экономическая свобода ограничена коррупцией, — креативный класс маргинализируется, его совокупный потенциал снижается, начинается «отток мозгов» — бегство образованных людей из страны либо «внутренняя эмиграция». Разумеется, в подобных условиях невозможна никакая инновационная модернизация. Самые яркие образы русской классической литературы первой половины XIX в. — Чацкий, Евгений Онегин, Печорин — это представители тогдашнего креативного класса, невостребованные ни бюрократическим государством, ни «гламурным» светским обществом и, как следствие, выпавшие из социальной структуры, превратившиеся в «лишних людей».

Определяющие черты *homo creativus* — творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов общественного развития. Эти люди не нуждаются в руководстве со стороны какой-либо вышестоящей инстанции — их не надо «строить». Им надо не мешать. Им нужна не «руководящая и направляющая роль» государства, а создание благоприятных условий для развития и моральная поддержка — чтобы они ощущали, что их труд не Сизифов и что они нужны обществу.

В условиях постиндустриального общества именно национальный креативный класс является основным генератором и источником инноваций, именно он создает символический капитал нации. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализирован, инновации приходится экспортировать извне, что характерно для догоняющих модернизаций.

Неправы те аналитики, которые говорят, будто при авторитарном политическом режиме модернизация невозможна¹⁰. Очень даже возможна! Так же, как возможна и демодернизация в условиях демократического политического режима — например, как в ельцинской России. История

¹⁰ См., например, доклад Института современного развития: Россия XXI века: образ желаемого завтра. М., 2010.

полна примерами более или менее успешных авторитарных экономических модернизаций, когда индустриальное обновление проходило при сохранении политической несвободы (сталинский Советский Союз, гитлеровская Германия, Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индонезия, ОАЭ, Чили при Пиночете, современная Беларусь). Верно иное: *в условиях авторитаризма невозможна инновационная модернизация*, возможны лишь индустриальная догоняющая модернизация и политика «принуждения к инновациям», возможен экономический *рост без развития*. Даже самый «просвещенный авторитаризм» может быть эффективен в течение коротких периодов и только в экстремальных ситуациях (война, послевоенная разруха). Но на длительных временных отрезках в российских условиях он ведет к социальной стагнации, остановке развития и демодернизации. Авторитарная модернизация успешна лишь там, где есть традиционное общество, где есть неисчерпаемый запас неприспособленных людей, живущих по его законам. Например, сталинская индустриальная модернизация могла быть реализована лишь в крестьянской стране и лишь при помощи крайне жестких методов (вплоть до террора и Голодомора). Но в современной России от традиционного общества практически ничего не осталось, большинство россиян — современные городские жители, любящие комфорт и неготовые к мобилизации, проявлению сверхусилий и недопотреблению.

Российский креативный класс всячески нуждается в расширении и институализации горизонтальных связей — как внутри сообщества, так и в отношениях с государством. Поскольку у его представителей доминируют непрагматические мотивации и амбиции, связанные с самоактуализацией, это сообщество в той или иной степени способно к мобилизации — оно готово откликнуться на призыв власти и принять участие в большом модернизационном проекте — даже в условиях отсутствия у государства избыточных ресурсов на модернизацию. Но при этом государство и властная полити-

ческая элита не должны рассматривать относительную независимость креативного класса в качестве угрозы, не должны мешать его самоорганизации и кристаллизации в его среде альтернативных элитных сообществ и группировок.

Новая роль государства: государство-партнер вместо государства-бандита

Социальная модернизация — одна из обязательных функций современного государства, ориентированного на глобальную конкурентоспособность. Это не право, а его обязанность, поскольку отказ от модернизации может реально угрожать национальной безопасности, подталкивая страну к неконкурентоспособности — и, как следствие, к гибели и исчезновению, либо к превращению в ресурсную колонию.

В России исторически сложилось, что государство в лице верховной власти выступало инициатором и единственным субъектом всех модернизаций и социальных мобилизаций. Одновременно в лице административно-бюрократической элиты государство выступало врагом и тормозом социальных инноваций, особенно если они посягали на источники коррупционной либо сырьевой ренты. При этом роль общества мыслилась исключительно в качестве пассивного реципиента, объекта, а то и «расходного ресурса» модернизационных стратегий — та же сталинская модернизация временами напоминала геноцид.

В модернизациях различных типов функциональная роль государства различна. При авторитарной модернизации постановкой целей и задач развития занимается властная корпорация и бюрократия, при инновационной модернизации эти задачи должны определяться в ходе диалога между государством и обществом. Главный субъект авторитарной модернизации — верховная власть и бюрократия; главный субъект инновационной модернизации — креативный класс. В авторитарной модернизации государство выступает ини-

циатором и единственным субъектом перемен, в инновационной — только заказчиком.

После Второй мировой войны в мире стала популярной модернизационная концепция «девелопментализма» (developmentalism), в которой главным субъектом является *государство развития*. Некоторые страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Ирландия именно ей обязаны своим «экономическим чудом». Руководители современного Казахстана прямо подчеркивают, что именно «девелопментализм» лежит в основе их стратегии развития страны.

Как нам представляется, эту концепцию по критерию баланса интересов государства, общества в целом и негосударственных структур можно рассматривать где-то посредине между концепциями авторитарной мобилизационной модернизации и модернизации инновационной. Однако обязательное условие девелопменталистских стратегий — монолитность государственного аппарата и национального политического класса в их воле к развитию страны. Ничего похожего в нынешней России нет и близко.

Российское общество крайне заинтересовано в проведении модернизации, при которой в модернизационных процессах будет задействовано максимальное число представителей активных социальных групп. Для этого необходима *смена модернизационной парадигмы — с авторитарной на инновационную*. Однако у инновационной модернизации в России есть жесткие противники: едва ли не самое мотивированное и солидаризированное контрмодернистское общество — олигархи и та часть бюрократии, чьи интересы и механизмы обогащения могут реально пострадать от рационализации и децентрализации системы государственного управления. Эффективным для процессов национального развития может быть также открытие лифтов вертикальной мобильности и рекрутирование на ключевые для модернизационных процессов государственные управленческие должности ярких представителей креативного класса.

Кроме того, в случае проведения инновационной модернизации государство может пойти на максимальные уступки обществу и разнообразные самоограничения. К примеру, верховная власть должна сдерживать контрмодернистские тенденции, ограничивать произвол государственной бюрократии в отношении креативного класса, должна отказаться от собственной монополии на власть и допустить полиархию и частичное перераспределение властных возможностей, к чему неотвратимо ведет внедрение инноваций.

В контексте современных модернизационных дискуссий стала популярной идея о возможности проведения *модернизации «снизу»*, которая преподносится как продуктивная противоположность модернизации «сверху». Однако, как представляется, модернизация «снизу» — это метафора, красивый образ. Если государство не является участником модернизационных проектов, если оно — тормоз модернизации, то любая модернизация «снизу» будет раздавлена государственным колоссом, а ее инициаторы — маргинализированы.

Авторитарная модернизация проводится всегда «сверху», на основе социальной мобилизации. Обратная связь с обществом и социальные издержки для государства второстепенны — государство рассматривает общество исключительно как объект своего воздействия, как дешевый и возобновляемый ресурс. Но инновационная модернизация в нынешних условиях может быть успешной только при субъектности и активности креативного класса, поэтому она должна проводиться не «сверху» и не «снизу», а в *диалоге государства (в лице как верховной власти, так и административно-бюрократической элиты) и креативного класса* — на основе всестороннего согласования их интересов.

Может ли инновационная модернизация в принципе обойтись без социальной мобилизации? — Вопрос важный и дискуссионный. По крайней мере, мобилизационный рывок, сопровождающийся недопотреблением населения, — это

традиционное для российского развития явление Он требует сверхнапряжения усилий общества ради некоей абстрактной либо утилитарной цели: государство во имя «светлого будущего» предлагает народу безропотно терпеть трудности и лишения — здесь и сейчас. Мобилизация всегда имеет существенные издержки: она выкачивает из общества витальную энергию, что, в конце концов, всегда заканчивается стагнацией. Поэтому при инновационной модернизации сильные мобилизационные рывки нежелательны. Авторитарная модернизация с ее диктатом государства и принудительной мобилизацией близка к «революции сверху»; инновационная модернизация по своей типологии ближе к ускоренному эволюционному пути развития. В настоящее время о мобилизации уместно говорить по отношению к государственной бюрократии и креативному классу как главным потенциальным «прорабам» модернизации. Но народ, неактивное большинство, и так живет в целом на пределе возможностей — призывать его к самоограничениям, снижению потребления, терпению и концентрации усилий во имя «модернизационного рая» в нынешних условиях, во-первых, безнравственно и, во-вторых, бессмысленно.

Многие исследователи считают, что российское общество сервильно (т. е. преклоняется перед жесткой властью), пассивно и не хочет быть участником модернизационных процессов, а потому, мол, власть не может опираться на несубъектную массу. Даже если согласиться с этим спорным и неоднозначным утверждением, необходимо отметить, что подобная характеристика никоим образом не относится к креативному классу, представители которого как раз субъектны и очень даже хотят быть не только второстепенными участниками модернизации, но также ее инициаторами и выгодоприобретателями.

В постиндустриальном обществе человек выходит на определенный уровень индивидуальной самодостаточности: он может быть мобильным, несвязанным жесткими уза-

ми и вертикальными иерархическими связями с «заводом» (корпорацией). При желании он способен стать сам себе хозяином — социальная и географическая мобильность превращается в одну из важнейших парадигм современности. Поэтому для эффективного управления власти необходимо не умалять социальную субъектность гражданина, как это чаще всего бывает в России, а создавать условия, в которых может достигаться мультипликационный социальный эффект.

В современных условиях меняется и образ эффективно-го государства — государство-страж, государство-бандит, государство-коррупционер, государство-корпорация, государство-ночной сторож (любимый либералами образ) в общественном сознании превращается в государство нового типа — *социального партнера*. Главная цель такого государства — помимо охранительных функций — модернизационная: социальное развитие, синергия, взаимное усиление и солидаризация государственных интересов с общественными. Это когда, фигурально выражаясь, дважды два — не четыре, а шесть, восемь и более. Признавая за обществом и гражданами субъектность, государство вынуждено заключить с ними *новый общественный договор* — о разграничении интересов и сфер компетенции, а самому стать эффективным инноватором — не только заказчиком, но и гарантом инновационной социальной модернизации, арбитром, следящим за выполнением правил.

Разумеется, государство-партнер — это лишь привлекательный образ, а не реальное состояние и не ближайшая перспектива России. Однако в условиях XXI в. подобная модель будет иметь *большую* устойчивость, чем авторитарные или полицейско-охранительные государства, поскольку государство-партнер лучше приспособлено к новым вызовам — к существованию в динамической среде постиндустриализма, в которой инновации являются нормой, а не исключением.

Инновационная проблематика имеет ярко выраженную политическую подоплеку, поскольку любая инновация, усвоенная обществом, приводит к изменению существующего баланса политической власти¹¹. Инновации ведут к перераспределению сложившихся политических связей и схем приватизации ренты — в результате чьи-то интересы оказываются ущемленными, чьи-то — выигрывают. Понятие *креативной деструкции* (созидательного разрушения), введенное Шумпетером¹², поясняет, почему доминирующая политическая элита всеми возможными методами противится инновациям. Примером креативной деструкции может служить появление рынка в постсоветской России и других странах СНГ. Рыночные механизмы, рыночные отношения и рыночная либерально-фундаменталистская идеология были, без сомнения, крупной инновацией, которая, будучи наложенной на реалии социалистической плановой экономики и неготовность общества жить в новых условиях, привела, в конечном счете, к социальной демодернизации, уничтожению существующих хозяйственных механизмов и целых сегментов экономики.

Ликвидация моноцентризма властной корпорации в условиях российской политической системы также может рассматриваться как креативная деструкция, которая, тем не менее, является неременным условием выживания России в XXI в.

В противном случае, если государство будет проводить политику «подморозки» и препятствовать проявлениям субъектности общества, вся мобилизованная социальная энергия будет рассеяна в пустоту. Скажем, в 1945 г. советский народ находился на пике мобилизационного подъема, вызванного победой в Великой Отечественной и Второй ми-

¹¹ Сергеев В.М. Инновации как политическая проблема // Полития. 2008. № 1. С. 117.

¹² Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 128.

ровой войнах. Но сталинский режим вместо того, чтобы воспользоваться взлетом народного духа и создать прорывной синергетический эффект, побоялся «неуправляемости» масс и «слил» народную энергетику — немало советских освободителей из Европы прямым рейсом отправились в Сибирь.

Государство должно управлять не экономикой, а экономическим развитием, не обществом, а социальным развитием. То есть оно должно создавать условия и мотивации для самостоятельного хозяйствования и принятия бизнес-субъектами самостоятельных решений. Такое государство-партнер пока нетрадиционно для российской исторической традиции и политической системы, но именно оно в наибольшей степени соответствует сегодняшним вызовам глобального мира.

Инновационная модернизация — путь к креатократии

В теории модернизации распространено представление о том, что модернизационные проекты и инновационные системы рождаются не из общегуманистических или общегосударственных соображений, а из осознания политическими и интеллектуальными элитами надвигающегося краха собственного государства — при все увеличивающемся отставании от стран-«эталонов» мирового развития.

Стратегия дальнейшего существования и развития России может быть выработана в контексте трех альтернативных типов сценариев — инерционного, мобилизационного и инновационного.

Во-первых, *инерционный сценарий*: вряд ли Россия окажется среди лидеров мирового развития, однако российская элита сможет интегрироваться в мировую элиту на вполне приемлемых для нее условиях. Дальнейшее развитие не требует структурных реформ, все изменения ограничиваются «фасадным» уровнем и управляемой властью общественной дискуссией о модернизации, экономический уклад сохраняет энергозависимый характер.

Во-вторых, *мобилизационный*: авторитарная модернизация проводится на основе реального проекта развития страны, выдвинутого верховной властью и несаботированного административно-бюрократической элитой, в условиях жесткой социальной мобилизации и ограничения политических свобод.

И, в третьих, *инновационный*: модернизация рассматривается как часть нового общественного договора — между государством и обществом. Иницилируя модернизацию, государство вынужденно идет на ряд самоограничений — прежде всего, на ограничение собственной монополии на власть, на сотрудничество с амбициозными классами и на реформу системы государственного управления¹³. Упор делается на развитии несырьевых секторов экономики, наукоемких технологий и воспроизводстве человеческого капитала. При этом верховная власть берет на себя функцию «внутренней службы безопасности», в задачу которой входит нейтрализация «агентов контрмодернизации» внутри государственного аппарата и бизнес-элит, а также борьба с коррупционными схемами присвоения рентных доходов.

Политический режим, созданный в России в начале 2000-х гг. — во время первого президентского срока Владимира Путина, — уместно определить как синтез *милитократии* и «*петрократии*». Милитократия — это не просто верхушка властной пирамиды, освоенная выходцами из силовых ведомств и потому имеющая милитарный антураж, но прежде всего специфическая система политического мышления и принятия управленческих решений. Для милитократии характерны быстрота и радикальность реагирования, но при этом — заниженный горизонт стратегического планиро-

¹³ Ряд исследователей рассматривают в качестве реальных в современных российских условиях лишь два сценария — инициативно-мобилизационный и эволюционный. См.: *Иноземцев В.Л.* Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы.* Сборник статей и материалов. Вып. 1. М., 2009. С. 80–81.

вания и недооценка технологий «мягкой власти» (soft power). «Петрократия» — это форма ресурсного обеспечения властной корпорации, при которой господство элитных групп основано на доступе к перераспределению и присвоению нефтегазовой ренты.

В условиях рентной экономики и «милито-петрократии» было принято говорить о «порядке» и «стабильности» как высших ценностях государственного развития. Однако оказалось, что подобная «стабильность» является средой для инерционного существования в течение весьма ограниченного промежутка времени. В такой ситуации государство эволюционирует в направлении «государства-корпорации», а национальные интересы подменяются утилитарными интересами доминирующих элит, которых можно сравнить с «учредителями» корпорации.

Мировой структурный и финансово-экономический кризис, а также постепенный переход к новому общемировому укладу жизни, подводят элиты к необходимости мыслить нелинейно и содействуют выработке и продвижению реальных, а не муляжно-пиарных модернизационных сценариев. Если верховная власть обладает стратегическим и прогнозическим видением перспективы развития России и мира, она должна инициировать всеобъемлющую инновационную модернизацию. А это, в свою очередь, означает смену не только дизайна, но и сущности политического режима — от «милито-петрократии» в сторону *креатократии*.

Государство, максимально приспособленное к институционализации инноваций и инновационных процессов, государство, легко адаптирующееся к креативной деструкции, государство, поставляющее на мировой рынок идеи, образы, высокие технологии и интеллектуалоемкую продукцию, а не только природные ресурсы и энергоносители, государство, в котором авторитет и легитимность политической элиты зиждется прежде всего на факторах «мягкой власти» и свободной лояльности народа, — таковы общие контуры рос-

сийской креатократии, выгодно отличающие эту модель не только от реально наличествующей, но также от новых идеократических и технократических утопий.

Инновационная модернизация, проходящая при широком участии креативного класса, предполагает существенные коррективы всей российской политической системы: главное — это отказ от модели, в которой властная корпорация является единственным субъектом выработки, принятия и исполнения решений. Это противоречит узкокорпоративным интересам власти, поскольку умаляет ее монопольный статус в социальной системе, однако открывает широкую перспективу для развития субъектности различных общественных групп и общества в целом, что, в свою очередь, дает основания для мультиплицирующего синергетического эффекта и небывалого социального роста.

Таким образом, в информационно-когнитивную эпоху прежние методы управления и социальной интеграции становятся неэффективными и даже угрожающими дальнейшему развитию и сохранению социальных систем. Лидерские позиции в мире в недалекой перспективе займут те страны и народы, которые держат курс не на постмодерн, а на «сверхмодерн», которые играют на усложнение, а не на упрощение культурной, гуманитарной, социально-политической и управленческой модели.

В этих условиях высокий уровень развития России (иначе говоря, подлинное величие государства Российского) может быть достигнут и сохранен не на основе государственного охранительного патернализма, не на основе жесткой социальной мобилизации и не на основе «добровольно-принудительных» форматов лояльности. Россия, как это уже неоднократно подтверждалось на протяжении всей истории, способна стать одним из мировых лидеров по производству, внедрению и капитализации инноваций — научных, технических, гуманитарных и даже управленческих. Однако достичь этого можно лишь путем ведения взаимовыгодного и

А.Н. Окара. Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии

партнерского диалога, путем сотрудничества, солидарности и синергии сохраняющих свою субъектность граждан, общественных организаций, креативного класса, бизнеса и государства.

Столь любимые российскими охранителями сценарии консолидации народа в критический момент против внешних «врагов» и внутренних «предателей», вокруг «сильного» патерналистского государства и «мудрого» вождя — при отказе от субъектности общества — в начале XXI в. способны повести Россию, увы, не в будущее, но в прошлое.

А ведь именно *завоевание будущего* является главной сверхзадачей российской модернизации.